

Валентин Берестов

Русская мысль - Париж - 1996 -
1 авг. - с 10.

НОВЫЙ ФАУСТ

Окончание. Начало в «РМ» №4136.

Ахматова знала, что в 1919 году Пастернак сделал наброски к своему «Фаусту», написав стихи «Мефистофель» и «Маргарита». В «Мефистофеле» мирные дореволюционные питерские дачники «из массы пыли на заставе / По воскресеньям высыпали». Но что-то творилось в природе, предвещая конец их благополучию и уюту. И без хозяев в их городских квартирах «ломались вихри в окна спален». А на дачах шторы взлетали от необычного ветра аж до потолка. Дачники не чуяли грозных предвестий, хотя «расталкивали бестолковых / Пруды, природа и просторы», хотя когда они на извозничьих линейках возвращались в столицу, то у застав «тень, пугавшая коней их / Ежевечерне оживала». Это была тень сатаны, Мефистофеля:

В чулках как кровь, при паре бантов,
По залитой зарей дорожке,
Унав, как лямки с барабана,
Шагали дьяволы ноги.

Нечто уже готовилось «снести весь мир». Каждого ехавшего с дач Мефистофель уже поместил:

Считая ехавших, как вехи,
Едва прикладываясь к шляпе,
Он шел, откидываясь в смехе,
Шагал, приятеля облапя.

Приятель — Фауст. Это он смеялся вместе с сатаной над еще не разрушенным старым миром. Что же до Маргариты, то в стихах о ней искusstель под пенье соловья, что «бился, щелкал, царил и сиял» в лесу, уже совратил ее («затылок с рукою в руке у него»).

О том, что старый мир «снесен» не благодатной, а сатанинской силой,

Из неопубликованной книги воспоминаний «Светлые силы».

Пастернак сказал так сложно, что даже самые бдительные читатели «Тем и вариаций» ни о чем не догадались. Помню, как Мур Эфрон, сын Цветаевой, верил, что союз с западными демократиями не кончится после войны и преобразует нашу страну. Может быть, на это надеялась и Ахматова. Этого, наверное, ждал «в зеленом зареве салюта» и Пастернак, чувствуя себя, как в юности, «мечтателем и полуночником». Но, видимо, он все же не слишком рассчитывал на свободу слова. В сталинские времена на подмосковной даче нового «Фауста» безнаказанно не напишешь. Впрочем, он уже думал не о докторе Фаусте, а о докторе Живаго.

В исследовании о «Каменном госте» Пушкина в связи с Дон Жуаном Ахматова вновь вспоминает Фауста: «Пушкин в «Каменном госте» сделал для своего героя то же, что Гете сделал для народного мифа «Фауста», а Байрон — для своего Фауста — «Манфреда». Во всех трех случаях «миф» (комплект моральных черт) получает реальную биографию, кроме контрастного слуги, который находится во всех мифах». По мнению Ахматовой, «Гете уступил своему герою большую часть своей души и биографии». То же, видимо, ожидалось от Пастернака, прими он ахматовский замысел. Между тем, «большую часть своей души и биографии» поэт намеревался отдать своему доктору Живаго.

Полагаю, раз уж Фауст, пригрезившийся Ахматовой, был «до отвержения похож» на ее знакомого, то таким «вновь помолодевшим Фаустом» мог оказаться и Пастернак. Ахматова сказала про него:

Он наделен каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

Чем не автор нового «Фауста»!

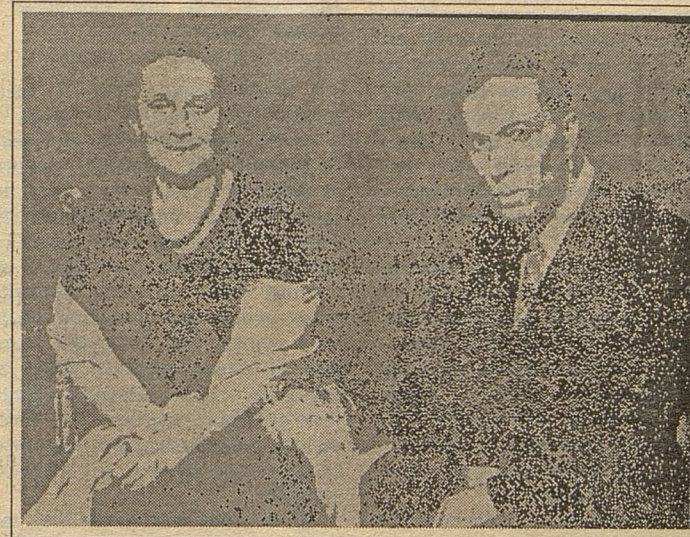
В 1945-м, в год встречи с Пастернаком, Ахматова написала загадочный отрывок «И очертанья Фауста вдали» (ср. «Онегина воздушная громада»). Ей виделся город, где «много черных башен, и колоколен с гулкими часами», где попадают и «старички с негетевской судьбою», и «шарманщики, менялы, букинисты», те —

Кто вызвал черта, кто с ним вел торговлю,
И обманул его, а нам в наследство
Оставил эту сделку...

Так и хочется продолжить стихами Пастернака (1916 г.):

Тут жил Мартин Лютер. Там братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.

Город «очертаний Фауста» похож на Марбург, где юный Пастернак учился философии перед Первой Мировой войной со всеми ее бедами, злодействами и смертоубийством. Там-то и мог студент из России, даже не вступая в сделку с дьяволом, получить в наследство давнюю сделку

Анна Ахматова и Борис Пастернак. 2 апреля 1946 г.

«старого» Фауста. Декорации начала нового «Фауста» — Марбург. Дата — Первая Мировая война.

В отрывке «И очертанья Фауста...» после слов о полученной в наследство сделке с дьяволом идут строки:

И выли трубы, зазывая смерть,
Пред смертью смычки благовели.

Не это ли начало нового «Фауста»? Не о том ли глава «1913 год» в «Поэме без героя»? Все тогда презирали мещанство, покой и уюты, всем хотелось встряски, приключений, перемен, войн, революций, пусть для начала — в искусстве. Никто не понимал, какую страшную беду это предвещает. Но вот «какой-то странный инструмент предупредил, и женский голос сразу отвечивал».

Итак, в новом «Фаусте» героиня, услышав предупреждение, могла сорвать сделку с дьяволом, со смертью. Это не Гретхен, а женщина XX века, способная прикурить от паровозной искры. Голос, ответивший на предупреждение, — это, по-моему, голос молодой Ахматовой. В роковом 1914 году она сказала: «Скоро будет последний суд», — а за несколько дней до войны вдруг ясно представила, как ей придется «справлять новоселье в свежевыкопанном рву». Одна из жертв будущих массовых убийств!

Даря Пастернаку свой замысел (все же «лирический поэт обязан быть

мужчиной»), Ахматова перебрала в уме всех Фаустов, и народного, мифологического, и гетевского, и лессинговского, и байроновского, и, убежден, пушкинского. И если уж говорить о новом «Фаусте», то там должно было быть и то, чего еще не сказал ни один поэт. Например:

Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может и смерти нет.

Вот что можно было бы развить поподробнее в новом «Фаусте»!

Летя «в брюхе летучей рыбы» из Ташкента в Москву, Ахматова вновь вообразила себя «скоростным» персонажем «Фауста». И потом написала: «Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбирать из бесов самого «скоростного», и думать, что примерно через 150 лет скорость станет идиолом всего человечества». Видимо, и в разговоре с Пастернаком она опять подумала о скорости: «Очевидно, она всегда ею была (см. миф о Фаусте, его постоянные полеты и мгновенные возвращения)». Всегда! Значит, спорить и уговаривать Пастернака, может быть, незачем.

И вдруг через много лет, году в шестидесятом, возникает последний ахматовский набросок нового «Фауста», так и не написанного Пастернаком! Это страшное видение каких-то грядущих Чернобылей, поворотов рек, усыхания Арала и еще неведомых нам экологических катастроф. Ведь теперь «бес скорости» может мигмом осуществить на деле самые фантастические замыслы:

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал няткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок.
Людское мощно вымирало племя,
Но знали все, что очень близок срок.

Объяснить появление этого отрывка можно еще и тем, что в мае 1960 года умер Пастернак. И Ахматовой вспоминалось, как

Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вешнюю волей хранит.

Вспоминалось ей и то, как она хотела подарить «собеседнику роц» и «провидцу» (так она назвала его в траурных стихах) свой великий замысел. И тогда последние семь стихов нового «Фауста» легли на бумагу.

Предпоследний стих страшен: «Людское мощно вымирало племя».

Последний оставляет надежду: «Но знали все, что очень близок срок» и все изменится к лучшему: «Что войны, что чума — конец им виден скорый...»

Москва